

Прошлой осенью, в одну из самых дождливых октябрьских ночей в Мелихово никто не спал, согнутые, темные фигуры людей бродили по селу, чвакая промокшей обувью, и кричали одно и то же, одно и то же: «Ва-си-лек! Ва-си-лек!», кричали протяжно и, наоборот, порою резко и звонко, от живота. Мужчины кричали басом, сорванным альтом кричали женщины, собаки хотели, видимо, и не могли забить своим лаем эти уставшие крики: «Ва-си-лек!», иногда ленивые крики: «Ва-си-лек», а иногда отчаянные. Черная ночь блестела от дождя и мокрые голоса людей хрипли, коченели и становились протяжнее, слаще, будто остывали под горячей луной. «Ва-си-лек!» — кричали люди тише, понимая, что ничего не изменить и все бесполезно, Василька нет, вовсе нет, он где-то там, куда не дотягиваются эти голоса, а раз так, то к чему все это? Однако нельзя ведь бросать? Не по-людски это совершенно. Ведь худенький мальчик Василек с капустной головой на тонкой шее, не слышит зов, но ощущает заботу односельчан, таких лишних в его жизни прежде, и таких участливых теперь, будто встрянутых за плечи чужим горем. Что обезумевший вой его матери Любы, в сравнении с этим, всеобщим, неподъемным «Ва-си-лек!», «Ва-си-лек!»? Ничего. Лишь тень материнского горя. Где ты Василек? Кто высушит махровым полотенцем перышки твоих непослушных волос? На кого ты нас оставил, мальчик? А?

— Сколько было ему, не знаешь? — спросил Сергей у Михаила, соседа по огороду.

— Двенадцать, вроде... он как мой.

Они обошли уже все и теперь брели вдоль коричневой стены бывшего сахарного завода, рассматривая ржавую водонапорную башню на холме будто в первый раз. Василька не было в дырявых заводских

складах, он не спал в мокрой траве вдоль железной дороги, ведущей в тупик и в старом, еще не разобранном ДК, он тоже, видимо, не Зачем?

Наконец, Сергей, убрав капли дождя со лба, обратился голосом обреченного на непонимание человека:

— Не найдем. Пошли к дому, на работу скоро.

Михаил подумал сперва, что следует возразить, не ради приличия, конечно, но чтобы попробовать самого себя убедить, в том, что поиски останавливать рано, ведь они Михаил и Сергей, самые ближайшие соседи Романа и Любы (родителей Василька), и дети их часто играли вместе, ходили в гости к друг другу, и вообще. Однако, подумав так, Михаил вдруг вспомнил, не почувствовал, а именно вспомнил, что хочет в туалет, до ветру, значит. Он хотел еще тогда, в двенадцать ночи, будила на поиски супруга, хотел, а не сходил, откладывал все дальше и дальше, и, наконец, вовсе забыл о своей нужде из-за нервов, наверное.

— Сейчас я... к железке отойду и пойдем, — сказал Михаил с такой интонацией, которая означала: «Ты прав, а все ж спешить не будем».

Сергей кивнул и полез двумя пальцами в нагрудный карман джинсовой куртки за сигаретами, которые конечно, промокли, но ведь не все же, наверняка осталась хоть одна сухая сигаретка, наверняка. Так и есть, была одна и даже несколько. Сергей закурил, выдохнул первую порцию дыма и вспомнил рассказ Любы в самом начале поисков, истеричный рассказ. Вначале она не могла еще говорить и только шептала невнятное, быстро-быстро, резко, будто терла морковь на терке, но потом, когда пошел дождь, она слегка успокоилась и рассказывала про Василька любовно и отрешенно как-то. Никто не слушал всю ее историю разом, а только частями: постоит, послушает минутку, кивнет и отходит, а на смену является кто-то другой, с опущенной головой, как к попу на исповеди. Николай слышал свою дозу рассказа и заполнил только то, что Василек (да все это прекрасно знали) был послушным и душевным мальчиком. Любил мамины ласки, а с отцом, с Ромкой, все больше говорил одними глазами: переглянутся, и все понятно сокровенное без слов. Хороший пацан Василек и ладный такой, высокий, худощавый, красивый, почти. Так почему он пропал? Сел на велосипед и покатил куда-то. Все в селе видели, что уезжает мальчик, а куда, разобрать было нельзя. Люба, говорила, — слышал Николай, что в последнее время Василек стал нелюдим. Молчал много и даже носил нелюбимый синий свитер с гусем. Грустный, будто обреченный, он жил как механический и страшно много молчал, погруженный, как казалось, в какие-то свои неприятные мысли.

Михаил позвал Сергея. Сергей различив в тишине свое имя дернулся, уронил под ноги окурок и пошел к железной дороге на зов соседа.

— Что там, Миш?

— Да вон, — ответил Михаил, указывая на нечто, напоминающее гигантскую бутылку.

— Где? Куда смотреть? — спросил Сергей, предчувствуя неладное.

— Вон! — нервно указал Михаил.

Невдалеке, вблизи рельс, прислонившись как бы к ней, лежало что-то — теперь Сергей заметил.

— Пошли, — сказал он.

Оказавшись ближе, они различили приподнятую детскую руку, застывшую, будто в приветствии, не сжатую и безвольную ладонь.

— Серега, — сказал Михаил и в голосе его послышался страх, — Не может того быть, Серж!

Михаил, шагая чуть впереди, уже различал головку с намокшими волосами, неестественно выгнутую детскую ногу и некрасиво задрванное платье.

— Платье! — крикнул Сергей и метнулся к рельсам, обгоняя Михаила. — Кукла, Миш! Это кукла! Какая же скотина, ее сюда положила, а?!

Несовременная кукла, закатив темные глаза, лежала, прислонившись к рельсам, ее левая половина была раздавлена поездом, который проходил в Мелиховский завод последний раз, больше пятнадцати лет назад.

— Пошли до дома! — скомандовал Сергей, — Слышишь — крики утихли?

Это значило, что Василька никто теперь не ищет, а за Любой, вероятнее всего, наконец-то приехала из города скорая.

Василька так и не нашли, да оно и понятно, ведь не нашли никого потом. Верочку — дочь директора школы не нашли, Игоря — сына приезжих тоже, Лешку и Лешкиного брата Матвейку, совсем еще десятилетнего, тоже не нашли и сына Сергея, которого запирали дома, тоже не нашли, но его и не искали даже. Не нашли и детей из соседнего села, а там их пропало двенадцать человек, и когда полиция начинала поиски на первый день, а не на третий, дети все равно пропадали бесследно.

В городе, поговаривали, что некоторые дети уходили, но там, при таком населении попробуй это заметить. Куда-то дети уходили ночами, или уезжали на велосипедах с сумерками, или исчезали рано утром, отсидев один-два урока в школах.

Их будто увлекали радиоволнами, на которые одинаково были напорены их незащищенные головки. В нелепых историях про вампиров миллионы раз обыгрывается этот сюжет: зараженные чем-то смертельным, люди безвольно устремляются туда, где ждет их хозяин или жертва, сонные, одинаковые бывшие люди, а теперь существа бредут в одном им известном направлении, не замечая плач по ним здоровых. Прimitивный сюжет, внедряющий в мозг обывателя простую истину: быть иным — значит быть больным. Нелепость. Да и было все по-другому: здоровые, чистенькие детки, девочки и мальчики, вдруг замыкались в себе, надумывали что-то и бросали родителей, будто те прокаженные, дети уходили в неизвестном направлении, туда, где им, вероятно, было обещано счастье. Именно поэтому, кажется, так страшен был крики Любы, самой первой осиротевшей в Мелихово матери, которая, в минуты самых чудовищных приступов повторяла одно и то же: «К кому они ушли?». Не «куда?», а «к кому?». Действительно страшно.

— К кому ты выходил вчера вечером, Коля? — спросил Виктор.

— Дочка приезжала. Меду привезла.

— Много?

— Да баночку. Поллитровку.

— А, — протянул Виктор.

— Что «а»? — спросил Николай недовольно.

— Да ничего, — ответил Виктор, а потом добавил: — Хорошая у тебя дочка. Куколка. Похожа на жену?

Николай хотел сначала не отвечать, а потом решил придумать какой-нибудь остроумный, хамский ответ, но не смог и буркнул после затянувшегося молчания:

— Жена красивее в ее годы бала.

— Ну конечно, — тут же встрепенулся Виктор, — это ж ты подпортил дочке красоту, да? — Виктор скорчил рожу, которая, видимо, должна была напомнить облик Николая.

Николай промолчал, сунув руки в надорванные карманы зеленого бушлата и выдохнул сигаретный дымок.

— Колян, ну а до медку то передала? — спросил Виктор, выбрасывая окурки за ворота монастыря.

— Чего?

— Да того! — радостно, шепнул Виктор, показывая кулак, с растопыренными мизинцем и большим.

Николай посмотрел на татуированные пальцы Виктора (надписать: «Витя») и выругался противной надязыковой конструкцией.

Виктор рассмеялся, демонстрируя беззубый рот, а отсмеявшись назидательно сказал, проводя рукой по влажной бородке:

— Монастырь тут, а ты как в самом засратом кабаке выражаешься, грех это! Забыл что ли?

— Да с тобой вечно... как с чертом... — Николай махнул рукой, зашел за ворота монастыря и пошел в свою келью, мимо белого храма, обгоняя суетливых монашек, напоминающих дерущихся воробушков. Там в келье его действительно ждали гостинцы от дочери, среди всего прочего была и бутылка водки. Зачем она? Соблазнять только. Николай не пил уже второй месяц. В прошлый раз настоятель монастыря пообещал выгнать, «если еще хоть раз», да и было, собственно за что выгонять, таких дел натворил, что... в общем, бутылка эта ни к чему была, но отдать ее Виктору значило бы признать свою неспособность совладать с зависимостью, навлечь на себя очередную порцию злых насмешек казаков и старух-монашек.

Раньше бы Николай, конечно, в келье не жил один, обязательно бы к нему кого-то из мужиков подселили, тогда ведь монахинь было больше, соответственно, никого отдельно жить не пускали. А теперь, когда женщин осталось всего ничего, примонастырские казаки обеспечивались отдельным скромным жильем, причем, довольно, однако приличным. Спасибо, собственно, спонсорам, оплатившим ремонт.

Николай искал по всем пакетом (в них у него хранились все вещи), тельник, в нем он планировал спать грядущей ночью, ведь стало холодать, вернулись северные ветры, и угадывалось в небе: снег посылет вот-вот.

В келью кротко постучали.

— Кто? — недоверчиво спросил Николай.

Не ответили, а только еще раз: стук-стук.

Николай широко отворил дверь и увидел перед собой Катю.

— Катя, — сказал Николай, — что ты? — от смущения он почесал татуированную шею и выпучил грудь в синем кителе.

— Настоятель велел программки раздать.

— Какие программки? — ласково спросил Николай.

Он считал Екатерину самой привлекательной монашкой во всем монастыре. Её личико со шрамом на щечке, еще не постарело, и потому вся Катя казалась в монастыре чужой, и эти ее синеватые глаза снилось однажды Николаю, но что с того? Об ухаживаниях, конечно, не могло быть и речи.

— Да программки вот, — Катя протянула несколько цветастых листиков, — программки на выборы, скоро выборы.

— А, — протянул Николай, — выборы... так, а зачем мне программки то эти?

— Ну, настоятель велел передать, вот, — Катя отдала Николаю листики и, вдруг, глянула в его красное лицо. Этот взгляд определённо что-то значил, но Николай никак не мог разгадать что именно, поэтому, опять потер синего дракона на шее и оскалился. Он был по-животному хорош, когда улыбался: не гнилые, но желтоватые зубы, выстроенные ровно на розовых деснах блестели и намекали на мужское здоровье их обладателя.

— Пойду я, — сказал Катя, и сказанное можно было расценить как вопрос, поэтому, Николай и ответил утвердительно:

— Иди Кать, — сказал он и нелепо добавил: — Заходи, если что-то надо.

Неожиданно Катя улыбнулась, опустила глаза и быстренько побежала, в сторону храма, собирая осенний сор неуклюжей рясой. Николай посмотрел ей вслед, отгоняя нехорошие мысли.

Оставшись один, он просмотрел программки кандидатов, не читая скупой текст, снял папаху, китель, шаровары, оставшись в одних шерстяных носках и трусах синего цвета. Потянувшись, он уселся на деревянный стул и посмотрел в зеркало — молодой еще, а уже ссыхается.

Грубый Виктор, Катенька, программки эти нелепые, (не ясно будто, за кого голосовать) — все это как-то разворошило осиное гнездо его сердца. Захотелось унять дрожь опустевших труб и потому, Николай быстро, чтобы решимость не пропала, отыскал нечищенный стакан, влил в него первую порцию водки и проглотил ее одним махом. Не мальчик ведь он — умеет держать себя в руках. Тело пропекло изнутри, и в желудке, будто что-то сорвалось и рухнуло. От этого всего сделалось до слез приятно.

Николай запустил на телефоне свежий выпуск «Уроков русского» и начал выпивать, закусывая колбасой и соленым помидором. Иногда он выходил курить и в туалет, встречая, при этом деда Егора, различая старика в темноте по огромной папахе. Дед Егор что-то бурчал сам себе, но не замечал опьянение Николая, да и не было его, опьянения, потому, от того, что умел Николай крепко держал себя в руках, не расслаблялся.

Уже за полночь Николай потушил свет, надел тельняшку, которая теперь оказалась большой и, подумав о том, что утром следует обязательно обрезать ногти на ногах и руках. С тем и уснул.

Ему снилось, что он отгоняет божьей от монастыря, бьет их плеткой, а они, почему-то смеются и твердят вот такое: «мы и тебе переживем, и тебя мы тоже, гад переживем» В пьяном своем сне Николай, вдруг осознал, что спит и страшно испугался этой ново-

сти. Ему захотелось немедленно очнуться, но обдумав, он решил, что осознанное сновидение дает массу возможностей, понял, что можно во сне сделать нечто, чего ни в коем случае не повторишь в реальности и, надвинув папаху на макушку курчавой головы, отвернувшись от хихикающих бомжей, он направился в ту келью, где с другими монахинями жила Екатерина. Он обогнул монастырь, вышел на протоптанную паствой дорожку свернул направо, к деревянной келье, увидел бродячую собаку и, решив ее прогнать, как бомжей, он ухватил себя за бок, ища плетку, но ее там не оказалась. Потерял. Осознав это, он заметил, что собака бежит теперь к нему, чтобы напасть. Догадалась, стерва, что казак безоружен. Николай заслонился от псины рукой и вспомнил: «это сон». «Сон» — хотел крикнуть он, но понял, что просыпается.

Лежа еще в кровати, он оценивал обстановку, и чтобы поверить окончательно в своё пробуждение, казак одним рывком сорвал с себя одеяло и глянул на пальцы ног: ногти не обрезанные — не во сне он, значит. Николай встал, прошелся по келье и только теперь услышал страшный крик с улицы. Кричал Владимир.

Николай вышел во двор (светало), и обнаружил чудовищную суматоху: казаки носились по двору, заправляя рубахи в шаровары на ходу, махали в воздухе, непонятно откуда взявшимися саблями и отдавали друг другу решительные команды. Монашки их суетливо благословляли, «на что благословляют?» — подумал Николай и заметил тут же, что Вадим, самый молодой из казаков монастыря, промчался на лошади куда-то, в сторону заднего двора. «Откуда лошади?» — опять не понял Николай.

— Сабля где? Давай на коня! — заорал Игорь на Николая.

Николай глупо улыбнулся и ответил:

— Какая сабля? Нет тебя! Я просто еще не проснулся, — сказав это, он провел ладонью по небритому лицу полноватого Игоря.

Игорь размахнулся и ударил Николая в глаз, и теперь только стало Николаю ясно, что происходящее не сон, ведь во сне лицу не больно. Игорь выругался и побежал туда, куда бежали все — на задний двор.

«На задний двор!» — подумал Николай, вернулся в келью и обнаружил там саблю. «Откуда сабля?» Но сабля эта его — откуда-то знал Николай наверняка и чувствовал теперь: изменилось что-то, но вот что? Непонятно. Да и некогда понимать. Нужно бежать. Туда. Ко всем остальным. Нужно быть с остальными. Николай схватил саблю и побежал к ним, а они уже построились. Взвод! Весь казачий взвод ждал, кажется, Николая и там, рядом с бравыми казаками стояла буряя лошаденка, его Николая лошаденка. Самое нелепое то, что

Николай сообразил самостоятельно: это именно его лошадь и зовут ее, что по-настоящему страшно, «Катька».

— Быстреей давай, — крикнули ему.

Николай вскочил на Катьку, дернул вожжи и плавно пристроился во второй ряд немногочисленного гудящего как подождённый улей взвода. Некогда было расспрашивать и вообще следовало молчать, ведь перед взводом, сидя верхом на черном коне, выступал Владимир, который был почему-то командиром.

— Мужики, наше дело правое. Враг движется вон с той стороны, — Виктор указал ладонью. — Они на холме. Прямо перед пустырем.

— А кто они? — спросил Николай.

— Разговорчики! — гаркнул Виктор, но ответил: кто? Кто? Непонятно что ли?

Николай промолчал, хотя и не понял. Он только услышал вкрадчивый шепоток Вадима, испуганный сдавленный шепоток:

— Англосаксы это, нервное.

«Наверное, они» — подумал и Николай, вспомнив недавний разговор за ужином с настоятелем на эту тему.

— Что мужики? Вот и наше время пришло отечеству послужить. Так не осрамите же отечество! Бейте их гадов как положено! Не отдавайте гадам родину! Ну, — Виктор сделал значительную паузу, потом опустил глаза и добавил: — За веру! За... — он запнулся немного, но сообразил: — За единый русский народ! За отечество!

Ура! — заорали казаки и Николай, чувствуя прилив слез к векам, тоже яростно заорал: «Ура!»

— А теперь, — объявил Виктор, кто не получил благословение еще — получайте и строимся за воротами. Вольно! — и добавил: — Пока.

Николая благословила Катя, и это было еще одним подтверждением, что происходящее не сон, ведь Катя своим детским голоском, не поднимая глаз, спросила:

— Чего у тебя глаз припухший?

Вместо ответа Николай махнул рукой и отвернулся, прельщённый вниманием. Он хотел спросить, почему их благословляют монахини, а не настоятель, но Катя, будто отгадав невысказанный вопрос, сказала:

— Настоятеля туда вызвали.

— Куда? — не понял Николай.

Катя повела легонько головой в сторону видневшегося за забором монастыря «Макдональдса».

«В мэрию, наверное» — подумал Николай и решил узнать, наконец у Кати, что, собственно, происходит? Откуда кони, сабли, откуда кресты на кителе у Виктора, и что за война вообще, но Катя уже опустила руки, потупила взор и тихонько сказала:

— Береги себя, но и срамить землю не думай даже!

Николай сжал челюсти и, коротко поклонившись Кате, ушел к кобыле, которая щипала пожухшую травку в тени церковной лавки.

— Ну, с Богом! — скомандовал Виктор, и конная казачья армия двинулась к пустырю, обгоняя машины, пересекая улицу на красный свет, пугая прохожих, превращая их всего-то в бездушных статистов, оставленных за рамками больших событий.

Пришельцы, враги спускались с холма пустыря, на котором в следующем году должны были построить супермаркет, а теперь шли подготовительные работы: разравнивали землю, размечали точки для вбивания свай, огораживали территорию будущей стройки вторичным шифером.

Их была тьма, и шли они безмолвно, строем своим неровным и оттого грозным, пугающим, невозможным. И никто их не вел — шли сами! Кажется, никого не боялись, не знали будто, что такое смерть.

Николай вспомнил отчего-то о ногтях, о том, что задумывал их остричь, да забыл в суматохе, вот умру — думал Николай и буду я лежать голый на столе во время отмыwania с нестриженными, желтыми ногтями и Катя это увидит. Но почему она увидит? Не она ведь будет обмывать, — сообразив это, Николай устыдился и выругался. Теперь он уже не он. Теперь он часть одного организма, который обязан думать не о себе, а о членах организма, о его слабых местах, о тех возможностях, которые есть у всякого органа, чтобы беречь организм.

Николай чуть отставал от отряда, видать, кобыла его была слабой или неподготовленной вовсе. Он пытался вспомнить в каком состоянии у лошади подковы, но не мог, и то даже, почему ее зовут «Катка» он не знал или не желал знать.

Пресекая главную лицу города, Николай не заметил студентов, стыдливо отвернувших лица от конницы, неудобно расположившуюся в центре дороги серую машину, с подбитой правой фарой, красивую девушку, брюнетку с голубыми глазами, вззирающую на всех с высокого прямоугольного рекламного щита. Да что там, и рассвет, осенний, нерасторопный, серо-голубой, Николай тоже не видел, и снег, вдруг, пошедший сперва редкий, а потом густой, и вспорхнувших с ветки жирных ворон, и бродячую собаку (кажется, ту, что из сна), и крошечный в алюминиевом небе белый самолет. Сквозь спины товарищей, он следил лишь за одним казаком — за Виктором, а тот несся впереди колонны, кричал и размахивал саблей, глотая снежинки алым и мокрым ртом.

«Зачем им флаги?» — подумал Николай и заметил тут же, что у них, у тех, кто спускались к пустырю с пригорка, были в руках не

флаги и не знамена, и не щиты, а портреты. Их собственные портреты, поднятые на деревянных палках высоко над головой. «Зачем им портреты? Что они хотят сказать?». А между тем, Виктор уже ввязался в бой, он отчаянно размахивал саблей и, будто выкашивал тех, что с портретами. Так серпом собирают золотые колосья.

Бой был коротким: казаки рубили неприятеля отчаянно, грозно, самозабвенно, в какой-то благодатной истерике, а сошедшие с холма только укрывали со страху головы под свои же картонные портреты. И ничего — понимал Николай, что пришельцы оказались детьми, ведь у врага нет возраста, нет нации, нет профессии, и оправдания его поступкам тоже нет. «Смерть врагу!» — подумал Николай, наконец, нагоняя остальных. «Вот тот мой», — решил он и выделил среди врагов одного мальчика с солнечным цветом волос. Это был Василек, первый беженец Мелихово, он смотрел на мясорубку и как-то заискивающе улыбался одними бескровными губами. Казалось, что он гипнотизирует всех сразу: и детей с портретами, и казаков, и всякую тварь, смотрящую на него недоверчиво.

Николай метнулся на своей кобыле к Николаю, замахнулся саблей и ровненько в переносицу ударил улыбающегося Василька, как гвоздь стальной вбил в дерево одним ударом.

Когда Николай посмотрел под ноги лошади, чтобы убедиться в гибели противника, то он там никого не обнаружил, лишь нечто похожее на замерзшую дворняжку было укрыто гигантским портретом мальчика и больше ничего. Николай выругался, плюнул, обтер саблю о гриву кобылы и поскакал на выручку рискующим жизнью товарищам.

Красивый и мокрый снег закончился.

Сначала не знали, как рассказывать о случившемся, но немного покумекав, решили рассказать все как есть. А чего собственно? Репортаж был перенасыщен подробностями, даже видео самого столкновения откуда-то нашлось. Там был и Николай, и Виктор, и Василек, и вся батальная сцена, захваченная десятками профессиональных и любительских камер. Даже заплаканная монашка Катя сбивчиво комментировала произошедшее. Естественно, репортаж видела вся страна, и в Мелихово его тоже смотрели. Сергей смотрел с женой, а Михаил, в одиночестве, Рома с Любой вечером, после работы. Люба тогда посуду мыла, а Роман хлебал вчерашний борщ. Когда закончился репортаж, Люба сказала мужу, стирая полотенцем капельки пота со лба:

— Нам нужно сделать нового ребенка, а то Василек не получился, да? Роман, пережевывая, кивнул.